

Т. В. ТОПОРОВА

**Мехтильда Магдебургская. Струющийся свет Божества. Перевод и исследования / Автор-сост. Н. А. Ганина; пер. со ср.-верх.-нем.; коммент. Н. А. Ганиной; статьи Н. А. Ганиной, Найджела Ф. Палмера. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2014. — 424 с., ил. (Сер. «Славно-германские исследования». Т. VII).**

Рецензируемая работа несомненно представляет собой весьма заметное явление как в отечественной, так и в зарубежной германистике; она привлекает пристальное внимание широкого круга специалистов по целому ряду причин. Во-первых, в научное обращение попадает **новый** дословный **перевод** труда Мехтильды Магдебургской, «выполненный с языка оригинала с учетом всей рукописной традиции и обобщающий как основной текст памятника, так и новонайденные фрагменты» (с. 4), целиком и полностью отвечающий современному уровню обработки материала. Во-вторых, особую ценность имеет и филологический и предметный комментарий Н. А. Ганиной, позволяющий, с одной стороны, осмыслить детали и интересные факты, а с другой — поместить этот памятник в рамки мистической традиции средневековой Германии и оценить его роль для других произведений соответствующего направления. В-третьих, необычен и сам жанр: наряду с переводом и комментарием репрезентирован автономный анализ различных категорий, актуальных в концепции Мехтильды Магдебургской. В-четвертых, работа отличается междисциплинарным характером: она объединяет филологию в ее различных аспектах с углубленными теологическими разысканиями. В-пятых, нельзя не обратить внимания на эту работу как на блестящий образец международного сотрудничества германистов России (Н. А. Ганиной) и Великобритании (Найджела Ф. Палмера). Можно было бы привести еще многочисленные аргументы в пользу неординарности рецензируемой работы (ср., в частности, исключительность как личности Мехтильды Магдебургской, так и ее труда, считавшегося пророческой книгой, к тому же одного из первых произведений на народном языке, а также эрудицию, всеобъемлющий кругозор и ювелирно точный анализ текста соавторами). Не было бы преувеличением сказать о том, что неорди-

нарный немецкий мистик и поэт XIII в. была удостоена выдающихся исследователей, способных донести «Струящийся свет Божества» до благодарных читателей.

Композиция работы вполне логична. Ее условно можно разделить на два блока. Первый включает предваряемый предисловием перевод «Струящегося света Божества» Мехтильды Магдебургской и комментарии Н. А. Ганиной и анализ текста Найджела Ф. Палмера, а второй, осуществленный Н. А. Ганиной, посвящен изучению ключевых категорий — пространства и времени — в мистической модели мира Мехтильды, и завершается выводами, полученными в результате исследования. Справочный аппарат, объединяющий литературу, указатель сокращений упоминаемых рукописей, указатель имен и географических названий и резюме на немецком языке — делают работу удобной для использования.

Краткое, но динамичное *предисловие* вводит нас в курс проблематики начиная с обоснования актуальности творчества Мехтильды Магдебургской для германистической медиевистики, изложения кратких биографических сведений об авторе, анализа источников — основных рукописей труда Мехтильды Магдебургской, в том числе и обнаруженных в 2008 г. Н. А. Ганиной и Е. Р. Сквайрс в Научной библиотеке МГУ им. Ломоносова («Коллекция документов Густава Шмидта», ф. 40, опись 1, № 47, 1290-е гг.), общей характеристики текста — его содержания, системы образов, языковых особенностей и достоинств и недостатков существующих переводов.

Главная часть работы — *перевод* «Струящегося света Божества» Мехтильды Магдебургской (книги I—VII, включая фрагменты, не вошедшие в состав Эйнзидельнской рукописи, а также московский фрагмент) в исполнении Н. А. Ганиной. Этот перевод не может не вызывать восхищения; он выполнен безукоризненно как с точки зрения содержания, так и формы и является сам по себе великолепным примером перевода теологического текста, демонстрирующим глубочайшее постижение Н. А. Ганиной всех нюансов оригинала, полное погружение в мир идей и вещей абсолютно далекой от современности эпохи — а именно XIII в. — с ее парадоксами и спецификой. Создается впечатление, что Н. А. Ганиной удастся передать темперамент, внутреннее напряжение и энергетику знаменитой немецкой провидицы и тем самым воссоздать хотя бы в общих чертах ее уникальную личность! Несомненное достоинство перевода состоит в предельно бережном отношении к тексту, стремлении максимально точно передать его смысл, буквально следовать за оригиналом. Принцип дословного воспроизведения смысла помогает понять внутреннюю логику текста и, таким образом, воссоздать ход мысли его автора. На редкость полезными оказываются многочисленные сноски, в которых приводятся средненемецкие лексемы и дается их интерпретация. Сноски можно рассматривать в данном случае как метатекст, ничуть не уступающий основному тексту по со-

держательности, поскольку они в высшей степени информативны, сконцентрированы на спорных интерпретациях значений тех или иных понятий, релевантных для мировоззрения автора, привлекают читателей к обсуждению сложных проблем, которыми так насыщен труд Мехтильды Магдебургской.

Что касается формы, то она заслуживает особого внимания. Так как Н. А. Ганина исходит из того, что «текст Мехтильды существует в двух измерениях: как религиозный труд и как поэтическое произведение» (с. 11), предпринимаются особые усилия, чтобы передать элементы поэтической организации и в русском переводе, прежде всего рифму и в меньшей степени ритм. С нежностью и трепетом переведены стихи Мехтильды. Постоянное фокусирование на формальной стороне не может не свидетельствовать помимо прочего о еще одном даровании Н. А. Ганиной — ее поэтических наклонностях.

Статья Н. А. Ганиной «“Струющийся свет Божества” Мехтильды Магдебургской в духовном и региональном контексте эпохи» представляет собой комплексное исследование, реализующееся в нескольких направлениях: 1) Мехтильда и западноевропейская мистика XIII в.; 2) почитание святых у Мехтильды; 3) духовное окружение у Мехтильды; 4) местная монастырская традиция. Экстралингвистические данные, а именно скудные биографические данные Мехтильды Магдебургской (ее происхождение из знатной благочестивой семьи, присоединение к общине бегинок, “mulieres religiosae”, посвятивших себя богу, но не удалившихся в монастырь» (с. 274)), необходимы для определения роли Мехтильды в современной ей мистической традиции; они служат отправным пунктом в осмыслении ее духовного пути. Следующим этапом вполне закономерно становится поиск различных влияний, которым подвергалась Мехтильда в течение своей духовно-религиозной жизни. Одним из источников, оказавших существенное воздействие на конституирование религиозного сознания и образно-символического языка Мехтильды, Н. А. Ганина полагает, например, деятельность нидерландской бегинки Хадевих. Этот тезис подкрепляется вескими аргументами — демонстрацией ряда основных терминов обоих мистических поэтов. Обнаружены и другие источники, в том числе и за пределами окружения бегинок, в частности поэма францисканца Лампрехта Регенсбургского (ок. 1215 — после 1250) «Дочь Сиона». Важный вывод заключается в том, что «труд Мехтильды в своей основе — не индивидуальная новация, но обобщение уже существующей и общепризнанной традиции» (с. 279), он диктует и постановку цели — определить, «что было общим для всех, а что является специфичным для Мехтильды» (с. 280). Формирование мистики Мехтильды в русле более трезвой доминиканской, а не францисканской традиции сделало ее труд своего рода образцом, центральным произведением немецкой мистической литературы XIII в. Детальный анализ святых, упоминаемых в «Струющемся свете Божества» и почитаемых Мех-

тильдой Магдебургской, а также лиц, ей духовно близких (Генриха Галленского, Вихмана Арнштейнского и брата Бальдвина), приводит к заключению о том, что «учителя и духовные друзья Мехтильды — доминиканцы. Не будет преувеличением сказать, что они были ее героями. В определенном смысле “Струящийся свет Божества” — голос саксонских доминиканцев XIII в., воплощение их чаяний, тревог и эсхатологических ожиданий» (с. 298). Парадоксальное суждение о том, что именно поэтому эта книга «и выделяется из общего потока тогдашней женской мистики, что во многом она <...> вообще не женская» (с. 298), а относится к жанру доминиканской визионерской мистики, дает исчерпывающий ответ на вопрос о соотношении общего и частного в произведении Мехтильды и обосновывает его значение на аксиологической шкале немецкой мистической традиции XIII в. Последний раздел статьи Н. А. Ганиной «О местной монастырской традиции» можно считать новаторским, поскольку на основании Московского фрагмента «Струящегося света Божества» доказывается связь ранней традиции Мехтильды с Гальберштадтом через сложную сеть женских монастырей. Новая информация расширяет географический горизонт бытования «Струящегося света Божества».

Статья Найджела Ф. Палмера «Книга как носитель значения у Мехтильды Магдебургской», с одной стороны, затрагивает еще один достаточно релевантный аспект исследования — латинский перевод труда Мехтильды “Revelationes” (датируется примерно 1282 г., до 1298 г.), а с другой — возвращается к анализу немецкого текста. В прологе “Revelationes” утверждается, что автором является не Мехтильда, а Святая Троица, а провидица воспринимается «лишь как носительница и посредница откровений» (с. 305). В латинском переводе акцентируется роль писца, отсутствующая в немецком оригинале, — доминиканца, «записавшего» видения Мехтильды. После тщательного анализа фактов автор статьи отказывается в отношении «Струящегося света Божества» «от представления о писце как ученом помощнике» и объясняет «это прибавление “Revelationes” как контаминацию с другой моделью откровения» (с. 312). Трактовка провидицы как орудия Бога ставит откровения Мехтильды Магдебургской в один ряд с Хильдегардой Бингенской и Елизаветой Шёнауской. Фундаментальным выводом можно считать то, что уменьшение роли Мехтильды в создании книги (вплоть до ее полного отрицания) способствует трактовке самого труда как инструмента божественной апелляции и воплощения божественного Автора (с. 316). Представление о книге Мехтильды как о небесной вести позволяет установить параллель с Апокалипсисом и имплицировать эсхатологический аспект.

Последняя часть рецензируемой работы является семантическим анализом концептов *пространство* и *время* у Мехтильды Магдебургской, выполненным блистательно и виртуозно Н. А. Ганиной. Выбор

именно этих категорий закономерен, так как локально-темпоральные координаты образуют «каркас» бытия и всеобъемлюще характеризуют любую модель мира. Труд Мехтильды как средневековый христианский памятник описывается в рамках Священного Писания и «Символа веры»: в сфере пространства реализуется антитеза «видимого» (земного) — «невидимого» (небесного), а времени — начала (сотворения мира) и конца (эсхатологии), поэтому в принятой Н. А. Ганиной классификации фигурируют рай, ад, чистилище и Страшный суд, Предвечный Совет Св. Троицы. Наряду с метафизическими сущностями анализу подвергается обычный «мир вещей» (ср. земные реалии в жизни Мехтильды, физические реалии: море, иные страны и т. д., время в жизни Мехтильды). Цель Н. А. Ганиной заключается в том, «чтобы выявить константы и специфику ее (Мехтильды) понимания этих феноменов вне сопоставления с теми или иными теориями» (с. 329). Следует иметь в виду, что описание категорий пространства и времени, жестко детерминированных в русле христианской традиции, приобретает особый интерес, если рассматривать их с точки зрения претворения уникального мистического опыта провидицы; именно под этим углом зрения и можно обнаружить нестандартность и оригинальность данных понятий. Н. А. Ганина наглядно иллюстрирует главную характеристику духовного пространства — его качество, определяемое различными импульсами (от Бога, от дьявола). Она констатирует, что «пространство задается не расположением и соотношением объектов, но духовным вектором или разными векторами. Там, где налицо действия и точки приложения духовных сил, и происходит генерация и разворачивание пространства» (с. 334). В этической системе Мехтильды действует дихотомия «внутреннее» (положительное, небесное, истинное) — «внешнее» (отрицательное, земное, ложное) (с. 367). Кроме того, для адекватного описания используется дихотомия «устроенный (организованный, имеющий структуру)» — «неустроенный (неорганизованный, не имеющий структуры)», ср. рай — ад, начало (сотворение мира) — конец (эсхатология). Специфика «благого» пространства состоит в том, что оно изображается как «путь души» (снизу вверх) или наоборот (сверху вниз, от Бога), в то время как ад показан снизу вверх, из-за того, что он перевернут. Таким образом, «благие» локусы должны обладать «устроением», иерархичностью и концентрацией высшей степени качества — высотой, широтой, простором. Божественное благоустройство актуально не только в области пространства, но и времени (ср. богослужебный устав, определяющий временной порядок). В труде Мехтильды Магдебургской используется противопоставление «этого мира» и «иного мира», и внимание провидицы в большей мере сосредоточено на последнем концепте.

Трудно переоценить уникальность рецензируемой работы: ее плодами непременно воспользуются медиевисты, и она несомненно стимулирует новые интересные исследования, связанные как с са-

ним трудом Мехтильды Магдебургской, так и с широким культурным контекстом, в который его можно поместить. Читая эту работу, испытываешь безграничное чувство благодарности за знакомство со столь значительной фигурой в немецкой мистической традиции, за глубокий анализ духовного мира величайшего мистика и ее окружения, за введение в научный оборот блистательно выполненного перевода, который по праву может считаться художественным произведением, за вдохновенное лексико-семантическое исследование ключевых концептов. Несмотря на столь очевидные и выдающиеся достоинства этой неординарной работы, остаются некоторые пожелания, возможно и невыполнимые. Очень хотелось бы иметь в своём распоряжении не просто перевод «Струящегося света Божества», но и параллельно текст немецкого оригинала, с тем чтобы иметь возможность сравнивать их вплоть до отдельных лексем. Разумеется, тогда объем существенно увеличился бы, но и выгода для германистов была бы, без сомнения, весьма значительной. Кроме того можно было бы последнюю главу о пространстве и времени дополнить анализом языковых данных, кодирующих концепт сакрального у Мехтильды Магдебургской, что было бы вполне естественно, учитывая тот факт, что мы имеем дело с религиозным текстом. Несколько не хватает привлечения древнегерманских коннотаций в связи с рассматриваемыми понятиями, что было бы уместно, так как Н. А. Ганина абсолютно справедливо замечает, что «картина мира Мехтильды <...> сближается с картиной мира ее предков» (с. 375) и «ряд пассажей сознательно оформлен ею [Мехтильдой] с ориентацией на поэзию <...> эпоса» (с. 12). Подводя итоги, можно поздравить медиевистов с появлением такой работы!